

Право и власть

Дорогой для меня памяти Екатерины Николаевны Соколовой посвящаю этот малый труд о большом вопросе. Прочитав его первая в рукописи, она нашла в нем главное достоинство: изложение отвлеченного предмета просто и доступно каждому.

Москва, 4 августа 1921 г.

А. А.

Две основные деятельные силы направляют развитие жизни; это, с одной стороны, *борьба за существование*, с другой — *взаимная помощь*. Какое бы относительное значение мы не придавали тому или другому фактору, но нет сомнения, что борьба за существование в развитом виде происходит не между отдельными особями, а между их *объединениями*, т. е. тоже принимает характер *взаимной помощи для борьбы за существование*.

Но объединения для борьбы не устраняют окончательно столкновения интересов внутри самих объединений; а потому общительный инстинкт выдвинул на высших ступенях развития новые формы разрешения противоположных стремлений помимо прямой борьбы грубой силой. *Это — правосудие*, нормы которого называются *правом*.

«Первобытная форма правосудия, выражающаяся в формуле „око за око, зуб за зуб“, очевидно, не что иное, как подражание», — говорит Элизе Реклю. «Возмездие, мера за меру, представлялось вещью вполне справедливою и даже на осужденного могло произвести впечатление покаянного действия; кающийся грешник, конечно, должен находить справедливым претерпеть то самое, в чем он погрешил, и в такой же мере»¹.

Таким образом, в основу права, при его зарождении, легло не реальное соотношение сил тяжущихся сторон, не неограниченное господство сильного над слабым, а мерило справедливости — *равенство*.

С понятием о *праве* необходимо связывается представление о *справедливости*. Сила может превысить право, нарушить, но не заменить его. А между тем, чему учат нас современные юристы? «*Формальная школа*, — пишет Ф. Кокошкин, — определяет право, как *господство воли*

---

¹ Реклю Э. Человек и Земля. Русск. пер. С. 80 и 176.

в определенной сфере отношений». По другому классическому определению, «право есть совокупность правил поведения, устанавливаемых суверенной властью». Третьи, мнящие себя «научными» социалистами, утверждают, что «право есть результат борьбы за жизненные блага, общественная охрана восторжествовавших в ней интересов» и провозглашают диктатуру, т. е. неограниченный произвол власти, проводящей в жизнь те или другие цели, за право.

«Господство воли», правила поведения, устанавливаемые «суверенной властью», охрана ею же «восторжествовавших интересов» могут быть все названы *законами* государственной власти, но ни в коем случае *правом*, если они не удовлетворяют нравственному мерилу справедливости.

Связь между *правом* и *этикой* явна и неразрывна.

Хотя проф. П. Г. Виноградов находит, что «было бы крайне односторонним смотреть на право, как на минимум моральных предписаний», но нет сомнения, с другой стороны, что никакое право немыслимо без соблюдения моральных норм.

А между тем юристы, отождествляя право с законами государственной власти, слепо приписывают последней, наперекор исторической очевидности и современной действительности, какие-то высшие свойства помимо проявления всевозможных насилий, произвола и страстей, нередко питаемых болезненным душевным и умственным состоянием правителей (особенно когда они воодушевлены религиозными и общественными обновительными стремлениями).

Государственная власть присвоила монополию на отправление правосудия не для охраны права, неотделимого от справедливости, а для закрепления своего господства независимо от нравственного или безнравственного содержания своих велений.

***

Каким образом она достигает этого? Как зарождается и закрепляется власть?

«Добровольным подчинением объяснял Монтень в анонимном сочинении, долгое время приписываемом Ла-Бозе, — читаем мы у М. Ковалевского, — подчинение личности государству. Как бы ничтожен ни был правитель, если бы им, по выражению Монтеня, был не муж, а человек, *hoteau*, люди все же следовали бы велениям, изданным его именем и стесняющим их свободу самоопределения. Как бы бессмысленны ни были отдаваемые им приказы, как бы ни противоречили они убеждениям и совести тех, на кого они направлены, послушание им все же было бы общим правилом. Какое заключение должны мы сделать из этого бесспорного и общепризнанного факта — то ли, какое современник религиозных войн и

Варфоломеевской ночи [Монтень] выводил из него, говоря: „перестанем только повиноваться, и вековое рабство падет само собой“, или то, что к психологии всех существ, призванных к общественной жизни, коренится неотразимый запрос на руководство.

Те, кто высказываются в первом смысле, слывут в наши дни под названием анархистов. Социологическая доктрина происхождения власти и государства относится отрицательно к их учению, так как связывает вопрос о происхождении власти с более общим — о природе всякого руководства вообще. Источник его она ищет в психологии человеческих групп и даже групп животных»¹.

Далее М. Ковалевский приводит ряд примеров из жизни животных и первобытных народов и, основываясь на них, утверждает, что «не одна физическая сила, но и умственная, духовная, необходимо предполагается в тех, кто выделяясь из толпы, становится её руководителем. Необходимость же подчиняться чужим указаниям и велениям обуславливается не только большей способностью определённых лиц давать желательное направление общественным процессам, но и естественным, прирожденным влечением большинства воздерживаться от той затраты умственной энергии, которая необходима для всякого производительного акта».

Попытки научно обосновать происхождение государственной власти и, в особенности, установить постоянство причин, зародивших ее, чтобы ими оправдать современное её существование, настолько редки, что стоит подробнее остановиться на доводах такого выдающегося мыслителя и учёного, как Максим Ковалевский, когда он берется «социологической доктриной», т. е. научно опровергнуть анархистское учение.

Прежде всего Ковалевский ссылается на Брэма, который описывает, что у обезьян «способнейший и сильнейший самец избирается вожаком, но достоинство это вверяется ему не общею подачею голосов, а достаётся упорною борьбою с соперниками, т. е. с другими старыми самцами. Спор решается зубами и кулаками; тех, которые не желают подчиняться добровольно, смиряют пинками и подзатыльниками: главенство принадлежит, бесспорно, сильнейшему. Рыцарской вежливости к слабому полу вожак не соблюдает и любви добивается также силою. Самки не смеют заводить любовных интриг с молодыми самцами: властелин зорко наблюдает за ними и строго наказывает провинившихся. В любви он шутить не любит. Он так немилосердно бьет и треплет самок, которые позволяют себе какие-либо вольности, что у них пропадает охота к подобному рода поступкам; виновному молодому самцу достаётся еще сильнее...

...С своей стороны он [вожак] постоянно заботится о безопасности своих подданных и потому суетится больше всех. Он всюду озирается,

---

¹ Ковалевский М. М. Социология. СПб., 1910. Т. II. С. 197.

ничему не доверяет, и, вследствие этого, почти всегда вовремя узнаёт об опасности»¹.

Мы привели эту выдержку из описания общественной жизни обезьян более подробно, чем это сделал сам М. Ковалевский, потому что он ссылается на него как на пример зарождения власти. Но если не принимать образные выражения Брэма «вожак», «властелин», «подданный» в буквальном смысле слова, то едва ли можно найти в описанных явлениях что-либо схожее с общественной властью, кроме разве фактов насилий. Хотя нет власти без насилий, но не всякое же насилие тождественно с нею. Так любую драку можно было бы причислить к проявлению власти.

В описании Брэма ясно обрисованы явления полового отбора, называемые в человеческих обществах любовью и ревностью; столь же неосновательно приравнивать вытекающие из них насилия к зачаткам власти, как и уподоблять ей семейные распри и романтические драмы у людей.

Еще менее убедительна ссылка на слова Топинара, что у слонов «наиболее благоразумный и бдительный является вожаком». С таким же основанием в современных обществах можно было бы отнести к *власть имущим вожакам* заведующих метеорологических обсерваториями, которые неустанными, *бдительными* наблюдениями предупреждают земледельцев и моряков о грозящих их благоденствию или жизни атмосферических невзгодах. Точно так же многие бытовые явления из жизни отсталых народов, приводимые Ковалевским, скорее указывают на зарождение в первобытной среде особых *квалифицированных* отраслей искусства и знаний, чем власти в собственном смысле слова. Можно ли уподобить хотя бы зачаточным видам современной власти обычай, существовавший у краснокожих Америки, подготавливать себе способных и выносливых кандидатов в военные руководители или *вожди* («спецов», сказали бы теперь), подвергая их «столь жестоким испытаниям, что многие не способны были выдержать их»?

То же самое можно сказать о весьма распространенном у первобытных племен «руководительстве» старейшин, т. е. людей опытных и сведущих в обычном праве и хозяйственных вопросах. То обстоятельство, что при иной обстановке, на время войны, руководство принимает на себя человек «умственно и физически более квалифицированный», как это практикуется, например, у австралийского племени Курнаи, показывает, что мы здесь имеем дело не с властью в обыкновенном значении слова, а с возникновением различных общественных призваний. Разве не к подобной же квалификации относится признаваемое за кудесниками искусство или «способность посылать дождь и заразу, исцелять болезни, вызывать их и т. д.»? Уподоблять влияние и преимущества чародеев и знахарей в первобытных обществах зарождающейся государственной власти,

¹ Брэм А. Жизнь животных. Т. I. С. 606.

столь же мало основательно, как было бы странно отождествлять с нею положение современных ученых, врачей и разного рода специалистов, хотя все они или находятся на услужении у государства, или пользуются сами более или менее значительным влиянием в обществе.

Но наилучшее доказательство позднейшего происхождения государственной власти в истории развития человека, а именно в период распада рода-племени, даёт нам М. Ковалевский. «Государство, — пишет он, — не было на первых порах обхватывающим всю жизнь человека общежительным союзом. Оно только восполняло собою деятельность более ранних по времени форм сообщества тотемического клана и сменившего его рода-племени, в среде которых постепенно развивается семья, сперва материнская, а затем отческая. Немудрено поэтому, если и функции государства, полицейские, законодательные, судебные, на первых порах весьма ограничены. Нельзя сказать, чтобы оно с самого начала сосредоточило в своих руках даже ту заботливость о сохранении внутреннего порядка и мира, внешней безопасности и правосудия, которые считаются ныне его исключительным достоянием. Клань и развившиеся из них роды продолжали осуществлять кровную месть, частное посредничество заступало место судебной расправы, осуществляемой от имени государства, а временные союзы кланов и родов под начальством избранного ими временного военного вождя принимали на себя задачу охраны занятой родом территории, независимо или бок о бок с княжеской дружиной, только со временем перерождающейся в народное ополчение.

«...Что в сфере правосудия государству не принадлежит на первых порах решающее слово — это выступает хотя бы из того, что, принимая на себя посредничество между сторонами, князь или действующий его именем и им уполномоченный судья требует от сторон, чтобы они высказали наперед своё согласие подчиниться постановляемому приговору»¹.

Если мы зададим себе вопрос, каким образом могла возникнуть государственная власть и постепенно охватить всю жизнь человека, то начальную причину этого явления придется искать не в мнимом *естественном, врожденном* влечении человека к подчинению воле других людей, приобретших особые профессиональные знания, — военных руководителей, ученых жрецов, кудесников, чародеев, знахарей и т. д., — как это утверждает М. Ковалевский, а в другой особенности человеческих обществ, в весьма распространенном на разных ступенях их развития институте рабства. Это последнее усугублялось не каким-то неотразимым влечением человеческой природы к подчинению чужой воле, а иными психологическими свойствами её.

«Человек, — говорит Элизе Реклю, — представляет собою животное, легко поддающееся приручению, вроде того, как например, собака и разные другие виды. Его укрощали то лестью, то угрозой, а потом держали в

¹ Новый Энциклопедич. словарь Брокгауза и Ефрона, слово «Государство», кол. 555–556.

рабстве уже силою привычки. А кто овладел волею человека, тот располагает его силами и его жизнью»¹.

Без этой податливости к приручению человека человеком суще ствование государственной власти было бы невозможно. Добровольное подчинение личности государству, признаваемое М. Ковалевским вместе с Монтенем как бесспорный и общепризнанный факт, далеко не естественная потребность человеческой души. Оно достигается и поддерживается теми же приёмами, как и приручение животных: главным образом *наказаниями и устрашением*.

Ш. Летурно приводит пример, как в XVII веке католические монахи подчинили себе особое первобытное племя, с почти черной кожей, отличное от краснокожих, обитавшее в некоторых местностях Калифорнии. Эти «дикари» оказались не очень-то свирепыми, так как «католическое духовенство смогло без больших усилий их организовать в своего рода поселения, похожие на парагвайские, подчинить их рабскому труду под кнутом надсмотрщиков, и принудить их к единобрачию»². То, что осуществили католические монахи, так сказать, в порядке опыта, не является ли естественным путем развития государственной власти вообще?

Сходство между частным рабовладением и государственною властью, располагающей свободой, имуществом и даже жизнью своих подданных, полное, не только по своей сущности, но и в приемах закрепления.

Приручение человека человеком не во всяком возрасте одинаково легко удаётся, успешнее всего оно достигается в молодости. Первобытные племена при набегах на своих более слабых сородичей, убивали взрослых и стариков, в плен же и рабство брали молодых, преимущественно подростков, детей и матерей³. Нежный детский возраст наиболее благоприятен для приручения. Муравьи-рабовладельцы даже похищают своих будущих рабов в состоянии личинок. Не по этим ли соображениям мало-мальски организованная государственная власть берёт в свои руки дело народного просвещения, чтобы воспитать подрастающее поколение в покорности и послушании себе?

Но наиболее могучим и действительным средством для приручения народных масс и подчинения их правящему меньшинству было и остается *устрашение*. Удивительно, как такой вдумчивый наблюдатель, как Максим Ковалевский, не обратил должного внимания на роль карательной системы в создании мнимого добровольного подчинения личности государственной власти.

¹ Реклю Э. Человек и Земля. Русск. пер. С. 156.

² Leturneau Ch. L'évolution politique, Paris, 1890. P. 30.

³ Последних укрощали естественной материнской привязанностью к детенышам. Известно, что в Южной Африке европейцы, чтобы заручиться негритянкой, как рабыней, похищали у ней ребенка, после чего мать добровольно являлась к похитителю.

В этом деле государство поступает столь же сурово и жестоко, как это делали частные рабовладельцы. Наиболее строгие наказания расточаются за неповиновение и противодействие органам власти. Человек не имеет права выйти из подданства данного государства без его согласия, точь-в-точь как раб не мог покинуть своего владельца. Государственная власть, устанавливая налоги, отбирает по своему усмотрению часть достояния своих подданных, точно так же, как рабовладелец располагал плодами трудов своих невольников. Даже сама жизнь человека не всегда ограждена от её усмотрения: в законодательстве большинства стран смертная казнь продолжает существовать далеко не как, платоническая угроза.

Все эти рабовладельческие приемы для удержания в повиновении невольников, государственная власть проводит по отношению к своим подданным под видом *права*, которое, как мы видели выше, сводится в идеологии государственности, к «господству воли», проще выражаясь, *произвола* над людьми.

Тщетно мы стали бы искать в деятельности государственной власти ту разумную «затрату умственной энергии, которая необходима для всякого производительного акта», — того особенного *почина* и *изобретательности*, которые приписывает ей М. Ковалевский. Склонность держаться старого, если не всегда по форме, то по существу, не меньше свойственна правительственным органам, чем массе. Прогресс подталкивается личным почином из народных же масс, а не из чиновничьих канцелярий. Ярким доказательством сказанному служит сохранение в законах убийства за убийство, — смертной казни, — между тем как уже в отдаленные исторические времена ее заменяли *вирой*, а в наши дни она решительно противоречит современной этике.

Мало того. Государственная власть попирает нормы даже первобытного права, — воздаяние возмездия мера за меру, — и выносит смертные приговоры в случаях, ничего общего не имеющих с убийствами. Так некогда рабовладельцы умерщвляли невольников за простую попытку к побегу. Подобно рабовладельцам власть сплошь и рядом заменяет право, по характерному выражению самого М. Ковалевского, «судебной расправой».

Таким образом, простой беглый критический разбор этнографических и исторических доводов в пользу государственной власти устанавливает, что она по своей сущности, как в теории, так и на практике, является отрицанием права.

Кто признает власть, тот тем самым оправдывает рабство, ибо государственная власть сеть ничто иное, как сохранившийся до наших дней особый вид рабовладения — *монополия рабства*.